

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 6, Pp. 1309–1330, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930:81'373(571.6)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1309-1330

Топонимическое пространство новых городов Забайкалья: советское наследие и современные номинации

Николай Сергеевич Байкалов¹, Юлия Николаевна Варфоломеева²

- ¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент

 0000-0002-2511-9003. E-mail: [baikalov\[at\]bsu.ru](mailto:baikalov[at]bsu.ru)

- ² Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (д. 40в стр. 1, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент

 0000-0003-2914-5804. E-mail: [yulvar83\[at\]mail.ru](mailto:yulvar83[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Байкалов Н. С., Варфоломеева Ю. Н., 2024

Аннотация. *Введение.* Топонимическое пространство новых городов Забайкалья не получило достаточной разработки в научной литературе, несмотря на значительный объем ономастических исследований региона. *Целью* работы является комплексное изучение особенностей формирования и развития топонимического пространства новых городов Забайкалья, которое проанализировано на ойконимическом, урбанонимическом и эргонимическом уровнях. *Материалы и методы.* Эмпирическую базу работы составили официальные названия городских объектов шести городов двух административно-территориальных единиц Забайкалья (Республики Бурятия и Забайкальского края), выявленные в документальных, публицистических, изобразительных и устных источниках. В исследовании топонимии новых городов Забайкалья были использованы этимологический, семантический, сравнительно-исторический, статистический методы. *Результаты.* В ходе исследования были проанализированы и систематизированы ойконимы, урбанонимы и эргонимы новых городов региона, выявлены особенности складывания топонимикона для трех городских поселений — транспортных и промышленных, а также молодых, показаны основные этапы государственной топонимической политики, причины и последствия актов переименований. *Выводы.* Анализ всех трех уровней топонимического пространства новых городов Забайкалья позволяет сделать вывод о его системной организованности, целостности и преемственности в условиях перехода от единой советской топонимической политики к современной номинативной дифференциации.

Ключевые слова: новые города, Забайкалье, топонимическое пространство, ойконимы, урбанонимы, годонимы, эргонимы, топонимическая политика, переименование

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Новые города Забайкалья, 1920-1990–е гг.: исторический опыт становления и развития» (№ 24-28-01656, <https://rscf.ru/project/24-28-01656>).

Для цитирования: Байкалов Н. С., Варфоломеева Ю. Н. Топонимическое пространство новых городов Забайкалья: советское наследие и современные номинации // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1309–1330. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1309-1330

Toponymic Environments of New Urban Settlements in Transbaikalia: Soviet Legacy and Contemporary Nomenclature

Nikolay S. Baikalov¹, Yulia N. Varfolomeeva²

¹ BanzarovBuryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

0000-0002-2511-9003. E-mail: baikalov[at]bsu.ru

² East Siberia State University of Technology and Management (40в/1, Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

0000-0003-2914-5804. E-mail: yulvar83[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Baikalov N. S., Varfolomeeva Yu. N., 2024

Abstract. *Introduction.* Despite studies in Transbaikalia's onomastics are voluminous enough, the toponymic environments of its urban settlements remain somewhat understudied. *Goals.* The work attempts a comprehensive insight — at oikonymic, urbanonymic and ergonymic levels — into how the specified field formed and developed. *Materials and methods.* The empirical basis comprises official names of urban objects within a total of six towns/cities located in two administrative territorial units of Transbaikalia (Republic of Buryatia and Zabaykalsky Krai), the former be identified across a variety of documentary, journalistic, pictorial and oral sources. The toponymic study of new towns and cities in Transbaikalia employs the etymological, semantic, comparative historical and statistical methods. *Results.* The paper analyzes and systematizes oikonyms, urbanonyms and ergonyms of the region's new towns and cities, reveals some distinctive features of toponymic formation for three types of urban settlements — transport, industrial and youth ones, shows key stages of state toponymic policies, hypothesizes as to causes and consequences of renaming arrangements. *Conclusions.* The analysis into the three levels of Transbaikalia's urban toponymic environments makes it possible to conclude that the latter remains systemically organized and — in the context of the transition from a unified Soviet toponymic policy to present-day nominative differentiations — maintains its integral and continuous essentials.

Keywords: new and young cities and towns, Transbaikalia, toponymic environments, oikonyms, urbanonyms, hodonoms, ergonyms, toponymic policies, renaming

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-28-01656 'New Towns and Cities of Transbaikalia, 1920s–1990s: Historical Experiences of Formation and Development'. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-01656>.

For citation: Baikalov N. S., Varfolomeeva Yu. N. Toponymic Environments of New Urban Settlements in Transbaikalia: Soviet Legacy and Contemporary Nomenclature. *Oriental Studies*. 2024; 17(6): 1309–1330. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1309-1330

1. Введение

Язык города на настоящий момент представляет собой очень сложное многостороннее явление, исследуемое с социологической, культурологической, этнологической, исторической и лингвистической сторон [Вайрах 2011: 8]. Как правило, при его изучении объектами анализа становятся речь горожан, сфера городских номинаций и текстов городской среды [Подберезкина 1998: 91–98].

Топонимическое пространство города выступает основой городских номинаций. Оно организует восприятие пространства города и историко-культурную идентичность горожан. В современной научной литературе отсутствует единство в понимании топонимического пространства. Ряд исследователей определяет его как совокупность топонимических единиц определенной территории [Кичикова и др. 2018: 82]. Другие рассматривают топонимическое простран-

ство в качестве единой системы упорядоченных элементов (топонимов) [Мкртычян, Заонегина 2023: 59]. Компромиссным является подход, согласно которому топонимическое пространство рассматривается как территориально организованный набор всех видов топонимов, используемых в определенном регионе и тесно взаимосвязанных друг с другом. При этом важно обращать внимание не только на способы соединения топооснов и топоформантов, но и на специфику их восприятия [Рублева 2016: 35].

Цель данной работы состоит в комплексном изучении особенностей формирования топонимического пространства новых городов Забайкалья. Под новыми городами мы понимаем населенные пункты, образованные в советский период на свободной или слабозаселенной территории и переведенные из категории поселков сельского и городского типов в статус городов.

Территориальные границы исследования охватывают забайкальский регион, который мы рассматриваем как самостоятельный экономический район, занимающий промежуточное положение между Восточной Сибирью и Дальним Востоком. В административном отношении на территории Забайкалья располагаются Республика Бурятия (до 1992 г. — Бурятская АССР) и Забайкальский край (до 2008 г. — Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ).

С точки зрения функционально-генетической типологии [Трубе, Хорев 1970; Перцик 1999: 245–246] изучаемые населенные пункты распределены по трем группам: новые транспортные города (с выраженным преобладанием транспортных функций) — Хилок, Шилка, Борзя, Могоча; новые промышленные города (с доминированием промышленных функций) — Закаменск, Балей, Гусиноозерск; молодые города (возникшие в районах пионерного освоения во второй половине XX в.) — Краснокаменск, Северо-байкальск.

Несмотря на большое количество работ по топонимике Забайкалья [Башкуев 1965: 346–352; Географические названия 2006; Гурулев 1989; Жамсаранова 2002; Мельхеев 1969; Пушкарева, Доржиева 2016; Федотова 2017], топонимическое пространство новых

городов региона не получило систематического научного исследования. Отдельные работы касались различных аспектов, таких как годонимия городских поселений зоны БАМ, неофициальная микротопонимика г. Закаменска и др. [Балданова, Дарбанова 2017: 13–17; Байкалов, Поплевина 2019: 19–23]. Между тем необходимость выделения в качестве особой разновидности систем урбанонимов молодых городов неоднократно подчеркивалась специалистами. Так, Р. В. Разумов обращает внимание на такие особенности топонимического пространства новых городов, как частое отсутствие улиц и замена последних кварталами и микрорайонами с номерными названиями, высокая концентрация в топонимиконе местных меморативов и т. д. [Разумов 2016: 124].

2. Материалы и методы

Топонимическое пространство города является многослойным, многомерным и многофункциональным феноменом. В нем пересекаются и взаимодействуют эпохи, поколения, культуры и субкультуры [Никитина 2018: 181]. Сегодня исследователями предлагаются различные подходы к структурированию топонимического пространства городских поселений. Например, интересным представляется опыт изучения топонимического пространства как полевой модели [Супрун 2000], которая применительно к малым городам включает в себя слова-классификаторы и различные виды топонимов, распределенных по ядерной и периферийной зонам на основе их хронологической устойчивости и функциональности с учетом способов номинации и образования [Мкртычян, Заонегина 2023: 139]. Перспективными являются модели топонимического палимпсеста, позволяющие объединить подходы новой культурной и критической географии, семиотики пространства, критической топонимики и геоконцептуализации [Митин 2021: 80].

В данной работе, опираясь на исследования уральской ономастической школы и их последователей [Вепрева, Харитонова 2023; Качалкова 2013; Голомидова 2023], мы предлагаем трехуровневую организацию топонимического пространства, включающую

ойконимический, урбанонимический (годонимический) и эргонимический уровни.

Эмпирическую базу составили официальные названия городских объектов шести городов двух административно-территориальных единиц Забайкалья (Республика Бурятия и Забайкальский край). В ходе исследования было проанализировано 1 153 годонима. Сформированная картотека эргоурбонимов составила более 1 500 единиц.

Исторические и современные топонимические данные были выявлены в письменных, устных и изобразительных источниках. Письменные сведения содержатся в нормативно-правовых актах, материалах делопроизводства, архивных документах. Прежде всего, это указы Президиума Верховного Совета РСФСР об образовании нового населенного пункта, присвоении статуса города, материалы сессий городских Советов депутатов трудящихся, документация архитектурных отделов и управлений, протоколы топонимических комиссий и пр. К исследованию привлекались местные периодические и историко-краеведческие издания, справочники, адресные книги. Устные источники составили воспоминания горожан, собранные в ходе полевых работ в указанных населенных пунктах. К группе изобразительных источников относятся генеральные планы и планы детальной планировки поселений, карты городов, включая бумажные носители и геоинформационные системы.

В последние десятилетия особо актуальным является комплексный подход к изучению топонимического пространства, при котором топонимы, бытующие на определенной территории, рассматриваются как элементы единой системы. В исследовании топонимикона новых городов Забайкалья были использованы этимологический, семантический, сравнительно-исторический, статистический методы.

3. Ойконимы новых городов Забайкалья

Первый уровень топонимического пространства представлен городскими ойконимами (астонимами). Имя города имеет особое значение, задавая лингвокультурологические координаты восприятия населенного

пункта. Появление и употребление того или иного варианта астионима служат маркером идентификации горожан, отражают их отношение к занимаемой территории, фиксируют изменения в социально-политической жизни [Вепрева, Харитоновна 2023: 189].

Не ставя перед собой задачи анализа имеющихся классификаций ойконимов, считаем необходимым отметить, что в рамках данного исследования использовался лексико-семантический подход, с помощью которого были выделены следующие группы: названия, относящиеся к природным объектам (в первую очередь гидронимы и оронимы), имена, отражающие особенности хозяйственной деятельности и культуры населения. При этом большинство изучаемых ойконимов восходят к другим собственным именам, которые, в свою очередь, происходят от нарицательных имен тунгусо-маньчжурского, тюркского, монгольского и славянского языковых субстратов.

3.1. Ойконимы транспортных городов

Формирование сети новых транспортных городов Забайкалья происходило на рубеже XIX–XX вв. одновременно со строительством Транссибирской железной дороги. В 1895 г. основана станция Хилок, в 1897 г. — Шилка, в 1901 г. — Борзя, в 1914 г. — Могоча.

Возникнув как поселения при железнодорожных станциях, данные населенные пункты начали быстро разрастаться. Транссибирская магистраль стимулировала появление новых промышленных предприятий: в Хилке развивалась лесная и лесоперерабатывающая отрасли; в Борзе был открыт мясокомбинат; Шилка и Могоча стали перевалочными пунктами к месторождениям Балеиских и Амазаро-Урюмских золотоносных приисков.

Интенсивное развитие промышленности и транспорта в новых поселениях обусловило рост их политической роли. В ходе административной реформы 1926 г. они стали центрами образовавшихся Хилокского, Борзинского, Шилкинского и Могочинского районов. Послевоенная реконструкция Забайкальской железной дороги повысила значимость транспортных узлов как по-

средников между минерально-сырьевыми и сельскохозяйственными районами Читинской области, что привело к преобразованию ряда новых поселков в города. В 1950 г. статус города районного подчинения был присвоен поселкам Борзя и Могоча [Аксиненко 2020; Балдандоржиев 2011]. Указами Президиума Верховного Совета РСФСР в 1951 г. городами стали Хилок и Шилка [Петров, Москалева 2024; 70 лет 2021].

Свои названия пристанционные поселки, а впоследствии новые города, заимствовали от находившихся неподалеку сел и казачьих станиц.

Ойконим Хилок большинство специалистов связывает с одноименным гидронимом. Река Хилок упоминается при изложении событий монгольской истории конца XII – начала XIII вв. в «Сокровенном сказании монголов» (Килго-река) и «Алтын тобчи» (Килху-река) [Козин 1941: 101]. Русские первопроходцы XVII в. называли реку Килка (1653) или Хилок (1668). В бурятских летописях Т. Тобоева и В. Юмсунова река упомянута в форме Хёлго и Kilyosohg [Бадмаева 1987: 65].

В бассейне реки Хилок имеются точильные камни, поэтому название могло произойти от эвенкийского *килгэ* ‘брусек, точильный камень’. Кроме этого, гидроним соотносится с эвенкийским *хола* ‘река, вытекающая из озера’ [Федотова 2017: 119].

Существует предположение, что имя произошло от монгольского *хил* или бурятского *хилэ*, означавших «границу», «рубезж», поскольку по реке Хилок проходила граница между тунгусскими и бурят-монгольскими племенами [Куликов, Балабанов 1957: 72].

С. А. Гурулев считает гидронимические теории происхождения ойконима Хилок ошибочными. Он высказывает предположение, что Хилок — это русское слово, означающее «южный ветер, приносящий ненастье». Оно произведено от русских слов *хиль* ‘хворь, болезнь’ и *хилина* ‘ненастье, слякоть’. Прозвище *Хилок* носили также люди. Из русских летописей известен князь Иван Федорович Хилок Хрипунов Ряполовский, от которого происходят князья Хилковы. Современное произношение топонима Хилок, вероятнее всего, связано с прозви-

щем князей Василия Ивановича и Ивана Андреевича Хилковых, бывших сибирскими воеводами в середине XVII в. [Гурулев 1989: 75].

Топоним Борзя встречается в ряде форм начиная с XVIII в. Вскоре после подписания Буринского договора (1727) вблизи кочевий агинских бурят на реке Борзе у соленых озер возникло поселение. В 1870-х гг. в источниках упоминается сторожевой пост казаков от Чиндантской крепости, именовавшейся «Борзинский пикет». В ходе строительства Забайкальской железной дороги был основан железнодорожный поселок, которому в 1900 г. было дано название Суворовский в честь столетней годовщины русского полководца генералиссимуса А. В. Суворова. Однако оно не прижилось, за поселком сохранилось название станции Борзя [Поспелов 2008: 120].

Этимология топонима «Борзя» до сих пор остается неясной. В Топонимическом словаре Забайкальского края приводятся шесть версий происхождения: 1) от бурятского названия соле-грязевых урочищ Борзинской степи (*бооржа*, *бооржатай*); 2) от эвенкийского *борсами* (‘убить медведя’); 3) от эвенкийского *бори* (‘небольшая сопка, холм’); 4) от эвенкийского *боро*, означавшего ‘серый’ (предположительно, цвет воды); 5) от эвенкийского *борза* — ‘снежная, белая’; 6) от русского слова *борзая*, т. е. быстрая, полноводная река [Федотова 2017: 30].

Ойконим Шилка, известный с 1765 г., происходит от гидронима Шилка, который имеет эвенкийское происхождение. По одной из версий слово возникло от эвенкийского *силькарь* ‘узкая долина, падь’, что особенно справедливо для нижнего течения реки, зажатою крутыми склонами гор. По другой, название происходит от эвенкийского *шилька*, которое, наоборот, означает «широкая река» [Федотова 2017: 130].

Нет ясности с происхождением топонима Могоча. Е. М. Поспелов связывает данный ойконим с одноименным гидронимом, этимология которого восходит к эвенкийскому слову *монгочи*, где *монго* — род эвенков, а *-чи* — суффикс обладания [Поспелов 2008: 293]. Т. В. Федотова приводит две вер-

сии. По одной из них, слово связано с эвенкийским *могоча* — ‘золотое дно, золотая долина’, что может объясняться близостью месторождений золота. По другой версии, топоним образован от эвенкийского слова *мого*, которое означает «холм», «торфяной бугор», «бугристое место». Такое толкование может быть вызвано бугристым рельефом местности [Федотова 2017: 81].

3.2. Ойконимы промышленных городов

Транспортное освоение Забайкалья обеспечило доступ к наиболее неосвоенным районам, изобилующим полезными ископаемыми. К началу XX в. силами геологоразведочных экспедиций были открыты месторождения цветных металлов, угля и золота, однако последовавшие затем революция и Гражданская война не позволили реализовать данные проекты. В период первых пятилеток потребности страны в минерально-сырьевых ресурсах резко возросли [Офицерова 2017: 28]. Это приводит к появлению качественно иного типа новых городов — промышленных (сырьевых) центров. В Забайкалье в 1930-е гг. появляются три таких поселения — Закаменск, Балей и Гусиноозерск. Во второй половине XX в. к ним добавились два молодых города — Краснокаменск и Северобайкальск.

В 1934 г. по приказу Главного управления промышленности редких металлов Наркомата тяжелой промышленности СССР был подписан приказ об организации треста Джидастрой, который должен был осуществлять строительство Джидинского вольфрам-молибденового комбината на юго-западе Бурятской АССР в центральной части Джидинского хребта [Батуева 2004: 156]. Поселение горняков получило название «поселок Джидастроя», связанное с оронимом Джиди, который восходит к монгольским *зэс*, *джэс*, *джэд* или тюркскому *джез*, означавшим «медь» [Мельхеев 1969: 124–125].

В 1944 г. поселок Джидастрой получил статус города и был переименован в Городок [Батуева 2004: 156]. В это время он находился в ведении Джидлага (Джидинского ИТЛ), входившего в систему ГУЛАГ. Хрущевская десталинизация вызвала волну переименований по всей стране. С позиций се-

миотических трансформаций смена ойконима «сигнализирует о рубеже между старым и новым», «символически маркирует начало грядущего этапа, в котором будут заданы ориентиры конструирования обновленной городской социокультурной реальности» [Голомидова 2023: 30].

29 июля 1959 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР Городок получил свое современное название Закаменск [Как наш город 1974: 2]. Примечательно, что при отказе от джидлаговского Городка было выбран исторический топоним. Согласно наиболее распространенной версии, название Закаменск возникло в XVIII в. от русского Закамень — «за камнем», под которым подразумевалась территория, расположенная за отрогами Джидинского хребта и Малого Хамар-Дабана [Мельхеев 1969: 128]. Такое же значение имеет эвенкийская версия, согласно которой эвенкийское *камнйга* можно перевести как «скала, утес» [Болдырев 2000: 276].

Б. В. Башкуев предположил, что название Закаменск получилось в результате переосмысления в русском языке бурятского названия *Захайн-аман* — «крайняя (пограничная) застава», связанного с близостью границы с Монголией [Башкуев 1965: 347].

Похожая история прослеживается у другого промышленного города Забайкалья — Гусиноозерска. В 1938 г. в Бурятской АССР началась разработка Гусиноозерского угольного месторождения, что привело к возникновению нового рабочего поселка с названием Шахты. В годы войны Гусиноозерское угольное месторождение было передано в ведение Объединенного государственного политического управления Народного комиссариата внутренних дел. В 1953 г. рабочему поселку Шахты был присвоен статус города районного подчинения с названием Гусиноозерск [Указ 1953].

Данный астионим был образован методом калькирования с бурятского языка лимнонима *Галуута нуур* ‘Гусиное озеро’, названного так «по необыкновенному изобилию в прошлом водоплавающих птиц, особенно гусей, которые здесь, очевидно гнездовали» [Мельхеев 1969: 122–123]. Со-

гласно традиции, «гусиными» у бурят было принято называть места, где происходили линька птиц и выводок птенцов [Мельхеев 1969: 122–123]. Таким образом, как и в случае с Закаменском, при выборе нового ойконима для Гусиноозерска власти обратились к местному топонимикону, сформированному под воздействием природно-географического и этнокультурного факторов.

Еще один промышленный город Забайкалья, возникший в период довоенной модернизации, Балей, смог избежать пост-сталинских переименований. Населенный пункт берет начало с села Новотроицкого Читинской области, рядом с которым в 1926 г. было организовано предприятие «Балейзолото». Наличие золота обусловило рост и специализацию поселения, которое вскоре получило название Новотроицкий промысел. Интенсивное освоение Балейского месторождения золота, связанное с открытием в 1935 г. золотоизвлекательной фабрики комбината «Балейзолото», привело к разрастанию поселка, который поглотил ряд близлежащих деревень и станиц (Каменка, Голготай, Кокуй, Новотроицкая, Новогеоргиевская) и стал называться Балей. В 1938 г. рабочий поселок Балей был преобразован в город районного подчинения [Постановление 1938] и сохранил свое название вплоть до наших дней, несмотря на передачу градообразующего предприятия «Балейзолото» в управление Балейского ИТЛ в 1947–1953 гг.

Топоним Балей связан с местным урочищем Балейская горка (ныне — Золотая горка), по вопросу происхождения которого существует несколько гипотез. Согласно одной из них, название заимствовано из эвенкийского языка, где есть слово *бэлэ-ми* ‘помогать; защищать’. Сторонники другой версии считают, что *балей* — даурское слово, означающее «светлое место» [Федотова 2017: 24]. Город расположен на южном склоне хребта в солнечной долине. Местные краеведы и горожане переводят слово как «золотая горка». По мнению Б. С. Куликова и В. Ф. Балабанова, населенный пункт назван Балеем в честь Золотой горки, которая ранее называлась Балейской горкой [Куликов, Балабанов 1957: 68].

3.3. Ойконимы молодых городов

Со второй половины 1960-х гг. в Бурятской АССР и Читинской области осуществлялись крупные комсомольские стройки всесоюзного и республиканского значения, в ходе которых на карте Забайкалья появилось еще два новых города — Краснокаменск и Северобайкальск.

Краснокаменск возник как поселок геологов Сосновской экспедиции после открытия Стрельцовой группы урановых месторождений в Читинской области. В 1968 г. началось строительство Приаргунского горно-химического комбината Министерства среднего машиностроения СССР, который стал градообразующим предприятием нового населенного пункта. 16 июля 1969 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР был образован город областного подчинения Краснокаменск [Город 2019: 18–20].

Название город получил по имени одной из расположенных неподалеку скал Аргунского хребта, приобретающих красный цвет на закате. По воспоминаниям геолога В. Зенченко, название городу дал именно он: «когда открыли первое месторождение, вокруг была безводная степь. И лежал примечательный камень с лимонитовыми натечками, который в лучах заходящего солнца становился красноватым. Поэтому я взял и написал на колышке карандашом „п. Краснокаменск“. Так и закрепилось это название» [Федотова 2017: 68]. Сегодня эта версия является наиболее популярной и вошла в большинство топонимических словарей.

Самый молодой город Забайкалья Северобайкальск возник как рабочий поселок строителей бурятского участка Байкало-Амурской магистрали в 1975 г. Первоначально поселок, расположенный на северном побережье Байкала (мыс Курлы) получил неофициальное название Новогодний, однако уже 29 сентября 1975 г. указом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР был зарегистрирован как Северобайкальск. 5 ноября 1980 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР он был преобразован в город республиканского подчинения [Указ 1980].

Ойконим Северобайкальск происходит от географического термина север, форман-

та -о, лимнонима Байкал и форманта -ск [Березовский 2018: 372]. Данное название присутствовало в топонимиконе с 1925 г., обозначая Северо-Байкальский аймак (с 1977 г. — район) Бурятии. При преобразовании в астионим оно утратило дефис и приобрело слитное написание.

Таким образом, анализ ойконимов новых городов Забайкалья показал, что степень стабильности имен зависела от времени их появления. Первыми сформировались названия транспортных городов региона. Они возникали из топонимов, прежде всего, гидронимов, сложившихся в более ранние исторические эпохи на основе языковых субстратов коренных народов Сибири и Дальнего Востока (эвенков, бурят). Данные астионимы являлись семантически нейтральными по отношению к советской идеологии и не подверглись раннесоветскому и постсталинскому переименованиям.

Названия новых промышленных городов формировались в реалиях становления социалистического государства, интенсивного индустриального освоения края, поэтому первоначально отражали в своей семантике хозяйственную специализацию, ведомственную принадлежность и другие модернизационные символы. Однако де-сталинизация 1950-х гг. привела к тому, что многие ойконимы данной группы, ассоциировавшиеся с гулаговским прошлым, были заменены на более нейтральные природно-географические. Процесс переименований совпал с переходом многих населенных пунктов из статуса поселков городского типа в города. При этом важно подчеркнуть, что новые названия были образованы на до-советской топонимической основе с этнической и исторической семантикой с использованием форманта -ск.

В последнюю очередь во второй половине XX в. складывался корпус имен молодых городов региона, в семантике которых была окончательно утрачена связь как с топонимами на основе коренных субстратов, так и с атрибутами социалистической индустриализации. Астионимы данной группы были в большей степени ориентированы на прагматическую функцию, выраженную в преобладании природно-географических значений.

4. Урбанонимы (годонимы) в городском топонимическом пространстве

Формирование городского топонимического пространства продолжается в системе номинаций отдельных городских топообъектов, которые не только организуют физическое пространство, выполняют навигационные функции, концентрируют историко-культурную информацию о городе и его жителях.

В широком смысле урбанонимы охватывают корпус собственных имен «любого внутригородского топографического объекта» [Подольская 1988: 139]. В их число входят названия улиц, площадей, парков, районов, станций метро, отдельных зданий, жилых комплексов и пр. Однако, по мнению исследователей, многие из перечисленных имен занимают «промежуточное место» в ономастической системе, поскольку выступают и названиями городских топообъектов, и рекламными именами одновременно [Разумов, Горяев 2018: 76].

По этой причине мы присоединяемся к тем исследователям, которые рассматривают городские урбанонимы в более узком значении как названия линейных объектов (годонимов). Линейная номенклатура городов достаточно разнообразна и включает несколько слов-классификаторов: улица, переулок, аллея, проспект, бульвар, шоссе и т. д. При этом за редким исключением основная нагрузка ложится на термин «улица».

Годонимы занимают центральное место в топонимическом пространстве города. Наименования улиц являются отражением всех групп топонимов, участвующих в формировании названий городских топообъектов: ойконимов, гидронимов, оронимов, дримонимов, дромонимов и т. д. Кроме того, годонимы представляют собой наиболее стабильные элементы топонимикона, нечасто подвергающиеся изменениям. Таким образом, названия улиц несут в себе информацию об истории и культуре территории, ее географическом положении и культурной самобытности территории, способствуют формированию образа города и коллективной идентичности горожан.

Данные геоинформационных систем позволили нам выявить более тысячи линей-

ных урбанонимов. На настоящий момент, согласно ресурсу MapData, в Балее насчитывается 168 улиц, Борзе — 165, Гусиноозерске — 147, Закаменске — 114, Краснокаменске — 90, Могоче — 106, Северобайкальске — 177, Хилке — 95, Шилке — 91 [MapData].

Существуют разные виды классификаций урбанонимов, в основе которых лежат словообразовательные, лексико-семантические, лингвокультурологические, исторические критерии [Гладышева, Якоба 2015: 2–3]. Опираясь на опыт исследователей городской топонимики, а также исходя из выявленного топонимического материала изучаемых объектов, мы разработали лексико-семантическую классификацию, включающую 12 групп. Следует отметить, что границы между выделенными группами достаточно условны, в отдельных случаях встречаются урбанонимы, занимающие промежуточное положение, которые можно отнести сразу к нескольким группам.

К первой группе можно отнести идеологически мотивированные топонимы, отсылающие, в первую очередь, к советской эпохе: улицы Коммунистическая, Комсомольская (Закаменск, Гусиноозерск, Шилка), улица Советская (Закаменск, Гусиноозерск, Борзя, Северобайкальск, Балей, Хилок, Могоча), переулок Советский в Шилке, улица Красноармейская в Могоче, улица Октябрьская в Балее, улица Пионерская в Закаменске, Борзе, Шилке, Хилке, переулок Пионерский в Северобайкальске и др.

Следует отметить, что в транспортных городах представлено немного топонимов данного типа (в Борзе — 4, Шилке — 5, Могоче — 9, Хилке — 11), что связано с более ранним формированием корпуса имен данных поселений. Наиболее высокая частотность имен-советизмов наблюдается в промышленных городах, процесс градообразования которых пришелся на период социалистической индустриализации. В Закаменске таковых 12, в Гусиноозерске — 10, в Балее — 14. В группе молодых городов топонимы, связанные с советской эпохой, также представлены достаточно полно: улица 18-го Съезда ВЛКСМ, улица 60 лет ВЛКСМ, проспект 60 лет СССР в Северобайкальске.

В Северобайкальске, который являлся площадкой Всесоюзной ударной комсомольской стройки БАМ, есть названия, отсылающие к строительству магистрали: улицы 25-летия БАМ, Бамовская, переулок Бамовский.

Ко второй группе относятся топонимы, обусловленные географическим положением населенного пункта: улицы Заречная, Речная, Джидинская в Закаменске, улицы Заозерная, Селенгинская в Гусиноозерске, улица Приаргунская, переулки 1-й Восточный, 2-й Восточный, Шилкинский в Борзе, улица Аргунская, микрорайон Аргунь в Шилке, улицы Амурская, Ангарская, Иркутская, Красноярская в Балее и др.

Чаще всего такие названия ассоциированы с Сибирью, озерами, реками и сторонами света: улицы Байкальская, Северная в Закаменске, Гусиноозерске, Борзе, Северобайкальске, Шилке, переулок Восточный в Борзе, улица Западная (Шилка, Балей), улица Речная в Закаменске, переулок Сибирский в Борзе, улицы Сибирская и Тыйская (по гидрониму Тыйя в Северо-Байкальском районе) в Северобайкальске, улицы Дарасунская (по названию реки и поселка в Забайкалье) и Даурская (по названию хребта и далее целого края в Забайкалье), улица Сибирская в Шилке, Балее [MapData].

Некоторые города (Гусиноозерск, Краснокаменск, Северобайкальск) являлись в советский период площадками всесоюзных комсомольскихстроек, что обусловило приток рабочих из разных регионов страны. Так, например, в рамках системы всесоюзного шефства над строительством БАМ город Северобайкальск возводили ленинградские рабочие, что нашло отражение в ряде топонимов (проспект Ленинградский, улица Ленинградская). Реже встречаются наименования, происхождение которых не всегда очевидно: улица Суздальская, улица Уральская и переулок Уральский в Северобайкальске, переулок Санкт-Петербургский в Борзе, улица Камчатская в Могоче. Меньше всего подобных наименований в Краснокаменске (микрорайон Восточный, проезд Северный, проезд Южный).

Встречающиеся в промышленных городах антропонимы и меморативы связаны с

революционерами и советскими вождями (улицы Ленина почти в каждом населенном пункте), писателями-классиками (улицы Пушкина есть в Закаменске, Борзе, Гусиноозерске, Хилке), декабристами (улицы Бестужева в Гусиноозерске, Декабристов — в Закаменске), полководцами (улицы Суворова, Кутузова в Хилке), космонавтами (улица Гагарина в Закаменске, Шилке, Гусиноозерске), учеными (улицы Ломоносова, Мичурина в Гусиноозерске) и др.

В меморативах транспортных городов появляются композиторы (улица Чайковского), строители (улицы Строителя Савватеева, Савватеевская) в Борзе, почетные жители города (улица им С. М. Шлямина в Шилке), современные поэты (улица им. М. Е. Вишнякова в Шилке). Молодые города располагают наименованиями, отсылающими к именам советских летчиков (улица Чкалова в Северобайкальске), авиаконструкторам (улицы Туполева, Сухова в Северобайкальске).

К метафорическим и метонимическим топонимам можно отнести следующие: улицы Апрельская, Звездная, Лунная в Закаменске, переулки Апрельский, Весенний — в Борзе, переулки Юности, Свободы — в Северобайкальске, территория гаражного кооператива (далее — ГК) Орбита, территория ГК Планета, территория ГК Сигнал в Гусиноозерске, улицы Майская, Майская 1-я, Майская 2-я в Балее, улица Рассветная в Хилке и др. [MapData]

Метафорические названия в городах всех групп не слишком востребованы, апеллируют в основном к понятиям советской символики: улицы Мирная в Закаменске, улица Мира — в Гусиноозерске и Шилке, территория ГК Дружба, улица Солнечная и переулок Солнечный в Гусиноозерске, улица Труда — в Северобайкальске.

Социально-демографические топонимы, характеризуют в первую очередь молодежь: улицы Молодежная и Спортивная в Закаменске, Гусиноозерске, Северобайкальске, Краснокаменске, Шилке, улица Молодежная в Могоче, переулок Спортивный в Борзе, улица Студенческая в Северобайкальске и др. Это объясняется особенностями демографического состава населения новых

городов, где на протяжении длительного времени преобладали жители молодых возрастов.

Навигационные топонимы определяют местоположение по отношению к другим объектам инфраструктуры и являются одной из самых объемных групп: переулок Школьный в Северобайкальске; улицы Больничная, Гаражная, Заправочная, Клубная, Почтовая, Школьная в Закаменске, улица Школьная в Могоче; улица Пришкельная в Хилке; переулок Больничный, улицы Заводская, Набережная, Почтовая, Привокзальная, переулок Почтовый в Гусиноозерске; микрорайон Аэропорт, переулок Банный тупик, переулок Стадионный в Борзе; улицы Аптечная, Аэродромная в Балее; улицы Вокзальная, Галерейная в Могоче, переулок Рынок в Хилке, улица Клубная в Закаменске и Шилке и др. К данной группе примыкают урбанонимы, обозначаемые через расположение в пространстве города или относительно других объектов: улица Центральная в Северобайкальске, улица Серединная, переулок Узкий в Гусиноозерске, переулок Угловой в Борзе.

Топонимы, апеллирующие к профессиям, прежде всего, связаны со специальностями, востребованными при возведении новых городов в советский период, а также с градообразующими промышленными предприятиями: улица Строительная в Закаменске и Гусиноозерске, переулки Строительный, Профсоюзный, улицы Рабочая, Торговая в Борзе, улицы Тоннельщиков, Строителей, переулок Строителей в Северобайкальске, Металлургов — в Балее, улица Горняцкая, переулок Горняцкий в Могоче, улица Шоферская и переулок Шоферский в Гусиноозерске и др. В транспортных городах аналогичным образом выделяются наименования, связанные с железнодорожной ориентацией городского хозяйства (улицы Железнодорожная, Железнодорожников, Локомотивная, Магистральная и пр.)

Растительные топонимы представлены достаточно скупой, это, как правило, те, которые можно отнести к характеристике местности: улица Сосновая в Северобайкальске, переулок Тополиный в Борзе, улица Полынная в Гусиноозерске, улица Березовая в За-

каменске, переулки Вишневый, Яблонево́ый, улица Ягодная в Гусиноозерске и др.

Этнические отсылают в основном к славянской тематике: улица Славянская в Северобайкальске, проезд Славянский в Борзе, улица Русская в Шилке. Есть также улица Амбонская, переулок Амбонский в Хилке по имени священной для бурят горы (Амбон, Амбом). Годонимы, связанные с коренными этносами региона, представлены в незначительном объеме: например, улицы Загустай, Загустайская (от бурятского *Загаһастай* — рыбное место) в Гусиноозерске. Это связано с тем, что новые города, как правило, возникали в районах пионерного освоения в ходе реализации советских модернизационных проектов. По этой причине связь с местностью, коренным населением досоветской историей края в них прослеживается слабо.

Близкими к ним являются годонимы, происходящие от ойконимов, в основе которых, как было показано ранее, присутствуют тунгусо-маньчжурский, тюркский и монгольский языковые субстраты. Такие имена встречаются в 66,7 % новых городов Забайкалья: улица Закаменская, переулок Закаменский в Закаменске, улица Гусиноозерская в Гусиноозерске, микрорайоны Борзя-2, Борзя-3 в Борзе, улица Балейская, переулок Балейский в Балее, улица Могочинская в Могоче.

Годонимы, мотивированные характеристиками местности и природными реалиями, достаточно предсказуемы: улица Таежная в Северобайкальске, улицы Горная, Зеленая, Луговая, Песчаная, Таежная, Таежная 1-я, Таежная 2-я, Таежная 3-я в Закаменске, улицы Овражная, Песчаная, Садовая в Гусиноозерске, улицы Светлая, Тенистая в Борзе. В силу нахождения Северобайкальска в сейсмоопасной зоне есть даже улица Сейсмическая. Годонимы в основном содержат отсылки к свойствам местности (Светлая, Зеленая, Горная и др.).

Наименования, в составе которых есть цифры, обычно представляют собой имя-классификатор и номер: особенно подобные названия распространены в Северобайкальске: 1–6-й, 11-й, 12-й, 19-й, 21-й кварталы, 7–9-й, 11-й микрорайоны, улица 7-го микрорайона 1-я Линия, улица 7-го

микрорайона 2-я Линия, улица 7-го микрорайона 3-я Линия; Линия 16-я, 7-й Квартал в Закаменске; 1-й, 2-й, 6-й, 10-й, 14-й микрорайоны в Гусиноозерске. В молодых городах также встречаются номерные имена с указанием направления или названия дороги, например, улицы Километр Дороги Северобайкальск – Байкальское 1, Километр Дороги Северобайкальск – Байкальское 3, Километр Дороги Северобайкальск – Нижнеангарск 5, Километр Дороги Северобайкальск – Солнечный 3 в Северобайкальске.

Краснокаменск стоит особняком среди прочих городов, названия улиц появились там относительно недавно, и в целом преобладают следующие наименования: Территория Автодорога № 2, Территория Автодорога № 18, Территория Автодорога № 19, Территория Автодорога № 20а, Территория Автодорога № 23 и т. п.; Территория гаражно-строительного кооператива (далее — ГСК) № 1, Территория ГСК № 10, Территория ГСК № 13 и т. п.; 1–8-й микрорайоны. Подобные названия составляют 57 % всех годонимов города.

В целом по всем городам в долевого соотношении доминирующей может быть признана группа, в которой представлены нумерологические годонимы (19,3 %), оговоримся, что 61 % из них приходится на Краснокаменск, особенность которого отмечалась ранее, и 29 % — на Северобайкальск. Далее по степени частотности следуют годонимы-характеристики местности (14 %), навигационные годонимы (13 %) и меморативы (12,8 %), географически обусловленные наименования (10 %), названия, отсылающие к советской эпохе (8,6 %), метафорические и метонимические имена (6,9 %), профессиональные годонимы (6,7 %), фитонимы (2,6 %), социально-демографические наименования (2,3 %), ойконимические названия (1,9 %). Самыми малочисленными группами следует признать этнические годонимы, в среднем занимающие менее одного процента (см. табл. 1).

Если говорить о группах годонимов по городам, то долевого соотношение тех или иных имен выглядит иначе (см. табл. 1). В топонимиконе транспортных городов преобладают географические обусловленные го-

Таблица 1. Долевое соотношение годонимов новых городов Забайкалья, %
 [Table 1. Proportion of hodonyms in new urban settlements of Transbaikalia, %]

Группы годонимов	Города								
	Балей	Борзя	Гусино-зерск	Закаменск	Краснокаменск	Могоща	Северобайкальск	Хилок	Шилка
Антропонимические, меморативные	28,9	27,1	21,5	17,5	7,9	16,7	13,1	45,9	31,6
Географические	16,7	20	6,9	8,7	4,5	24,4	12,5	7	18,4
Природные	12,4	15,8	18	21,5	1,1	25,5	9,7	16,5	11,8
Советские	10,8	5,7	6,9	11,6	1,1	11,5	9,6	12,9	6,6
Функциональные, профессиональные	13,8	7,2	8,3	8,7	8	9	14,9	3,6	9,3
Навигационные	5	8,6	11,8	10,7	2,4	1,3	7,8	8,2	13,1
Метафорические, метонимические	5,9	7,2	8,3	7,8	12,5	3,9	7,8	3,6	5,3
Социально-демографические	0,7	1,4	1,4	2,9	3,4	1,3	2,4	0	2,6
Ойконимические	1,5	2,8	0,7	1,9	0	1,3	2,5	0	0
Растительные	0,7	1,4	3,6	2,9	1,1	1,3	4,2	0	0
Этнические	0	1,4	1,5	2,9	0	0	0,6	2,3	1,3
Нумерологические	3,6	1,4	11,1	2,9	58	3,8	14,9	0	0

донимы и близкие к ним группы, связанные с характеристикой местности, навигационные. В меньшей степени в них представлены советские идеологические наименования, профессиональные и метафорические. Практически отсутствуют номерные названия, а также этнические, этнонимические и ойконимические годонимы, фитонимы. В промышленных и молодых городах сильнее выражены группы, связанные с советской идеологией, хозяйственным освоением региона, градообразующими предприятиями и т. д. При этом в молодых городах, выступавших стройплощадками масштабных промышленных и инфраструктурных проектов позднего социализма, наблюдается самая высокая доля нумерологических названий. Во всех трех группах городских номинаций в большом количестве присутствуют антропонимические и меморативные годонимы, включающие как имена известных исторических и современных государственных, политических, общественных деятелей, так и посвященные местным передовикам, почетным гражданам, лицам творческих профессий наименования [MapData].

Годонимы представляют наиболее стабильный уровень топонимического про-

странства изучаемых городов. Большая часть выявленных имен сформировалась в советское время в период интенсивного хозяйственного освоения региона и появления новых населенных пунктов, что отразилось на семантике линейных урбанонимов. Важно подчеркнуть, что период десоветизации городского ономастикона, начавшийся в годы Перестройки в СССР и достигший апогея в 1990-е гг., практически не коснулся годонимии новых городов Забайкалья. В подавляющем большинстве случаев улицы сохранили прежние названия. Во многом это было обусловлено неразвитостью или отсутствием досоветского исторического нарратива у данных населенных мест, монопрофильной экономической структурой городов, высокой зависимостью местных социумов от градообразующих предприятий.

Исключение составили нумерологические названия в молодых городах, которые в постсоветский период стали заменяться на антропонимические, географически и природно мотивированные годонимы (наиболее выражен этот процесс в современном Краснокаменске), а также наименования, обусловленные размещением ряда промышленных или строительных предприятий, ко-

торые с переходом к рыночной экономике перестали существовать. В последнем случае показателен опыт городских поселений зоны БАМ, в которых с завершением советской стройки микрорайоны мостотрядов, мехколонн, строительно-монтажных поездов и прочих подразделений транспортных строителей стали постепенно утрачивать прежние названия, заменяя их на меморативы и мотивированные природно-географическими реалиями онимы с ярко выраженной местной самобытностью.

5. Эргонимы новых городов Забайкалья

В научной литературе отсутствует единый подход к пониманию природы и сущности эргонимов. Н. В. Подольская определяла данный термин как собственные имена деловых объединений людей, под которыми подразумевались организации, предприятия, учреждения, корпорации, союзы и т. д. [Подольская 1988: 151]. Р. В. Разумов считает, что самым значимым отличием урбанонима от эргонима является топографичность, под которой понимается «точная привязка к определенной точке земной поверхности» [Разумов 2015: 16], способность онима реализовывать адресную функцию. Эргонимы не привязаны к определенному месту, легко изменяются и быстро исчезают, могут переноситься с одного объекта на другой [Разумов 2015: 16].

В советский период эргонимы новых городов Забайкалья, насколько их можно реконструировать по архивным документам, местным газетам и воспоминаниям горожан, отличались однообразием, стилистической нейтральностью, функциональностью, прочными лексико-семантическими связями между именем и обозначаемым объектом. В названиях отражался профиль деятельности предприятия, например, магазины «Сельхозпродукты», «Молоко», «Промтовары», «Гастроном», «Универмаг», «Универсам», киоски «Союзпечать», «Хлеб», павильон «Воды», «Соки», кафе «Мороженое», «Кондитерская», «Торты» и т. д. Исключение составляли распространенные по всем советским городам метафорические эмпоронимы отдельных специа-

лизированных объектов, такие как магазин «Океан», универмаг «Детский мир» и др.

Чтобы различать одинаковые названия, повсеместно была распространена практика нумерации торговых предприятий и объектов общепита. Номера магазинов часто превращались в неофициальные названия, например, продуктовый магазин № 13 в разговорной речи мог именоваться Тринадцатый. Многие из этих прозвищных имен сохранились уже после распада СССР и продолжают использоваться старшими поколениями горожан до сих пор.

В названиях предприятий и организаций новых городов присутствовало много аббревиатур, например, «КБО» — комбинат бытового обслуживания, «ТБЦ» — торгово-бытовой центр, «ОРС» — отдел рабочего снабжения, «РайПО» — районное потребительское общество и производных от них разговорных форм имен: КБОВский (КБОшный) магазин, ОРСовская столовая, РайПОВский киоск и пр.

В промышленных городах большое количество объектов социальной инфраструктуры находилось в управлении градообразующих предприятий (заводские столовые, клубы, библиотеки, детские сады и др.), что также отражалось на эргонимии.

В 1970-е гг. советское общество переживает так называемую «потребительскую революцию». Идея материального изобилия как предпосылки построения коммунизма заняла прочное место в концепции развитого социализма. Отдельные квартиры стали нормой для подавляющего большинства горожан. Джинсы, импортная обувь и предметы роскоши, такие как французские духи, фарфор, хрусталь или ковры, превращались в стандартные атрибуты домашнего интерьера и гардероба [Chernyshova 2013: 202–203].

Это приводит к тому, что эргонимы все больше ориентируются на потребителя, более дифференцированными становятся прямые названия (магазины «Овощи», «Спорттовары»); появляются метафорические названия, связанные с территориальной и культурной самобытностью поселений, например, магазин «Чебурашка», столовая «Волна», кафе «Багульник», фотоателье

«Сибирячка», мастерская по пошиву одежды «Туяна» в Северобайкальске; распространяются уменьшительно-ласкательные и разговорно-бытовые формы имен (магазин «Рябинушка», столовая «Березка»); адресные названия, ориентированные на определенные социальные и возрастные группы (магазин «Ветеран»).

Однако в целом корпус эргонимов новых городов региона советского времени остается стандартизированным, однотипным и маловыразительным. Основная причина этого, по мнению специалистов, состоит в том, что все предприятия в СССР являлись государственными и не конкурировали между собой [Курбанова 2014: 32].

Рост количества разных коммерческих предприятий (парикмахерских, гостиниц, торговых центров и т. п.) в конце XX – начале XXI вв. привел к настоящему буму номинаций. В отличие от топонимов эргонимы очень быстро «откликаются» на текущие изменения. Они выполняют множество функций, в том числе имиджевую и навигационную, состоящие в формировании имиджа территории и способствующие ориентации в городском пространстве, отражают культуру, историю, традиции городских сообществ.

В современной эргонимии молодых городов Забайкалья выделяется ряд тематических групп.

Первую группу составляют эргоурбонимы, реконструирующие советскую стилистику, например: аптека «Советская» (Северобайкальск), кафе «СССР» (Северобайкальск), «Звезда» — в Борзе, магазин «Заря» в Могоче, торговый центр «Народный», «Универмаг» в Краснокаменске.

Вторую группу составляют географически обусловленные названия: «Ольхон», клиника «Байкал», «Баргузин», «Центр Байкальского гостеприимства», «Сувениры», «Сибирский гурман» в Северобайкальске; кафе «Саяны», магазин «Сибирские погребки» в Могоче. Гостиница «Закамна», кафе «Вардзия» (отсылающее к достопримечательности Грузии) в Закаменске, торговый центр «Азия» в Борзе, суши-бар «Япония» в Хилке, кафе кавказской кухни «Кавказ» в Могоче выглядят органично. Название

продовольственного магазина Клондайк в Закаменске скорее можно отнести к метафорическим, чем к географическим. Магазин мужской одежды «Палермо» в Борзе, гостиница «Невская» в Гусиноозерске вызывают вопросы в связи с отсутствием прямой связи между эргонимом и сферой деятельности организации.

Следующую группу эргонимов образуют антропонимы, среди которых названия магазинов и кафе, как правило, даются по имени владельца. Можно выделить следующие подгруппы антропонимических эргонимов:

- греко-славянские имена: магазины «Алёнка», «У Елены» в Гусиноозерске; кафе «У Марины» в Хилке; позная «У Альбины», «Виктория», продуктовый магазин «Руслан» в Северобайкальске; дом быта «Лола» в Краснокаменске, кафе «Светлана» в Могоче; кафе «Мария» в Балее и др.;

- имена коренных народов Забайкалья: позная «Дари» (Северобайкальск), кафе «Батыр» (Закаменск) и др.;

- литературно-мифологические имена: магазин «Крон», клуб-ресторан «Медуза» в Закаменске; продуктовые магазины «Гермес», «Юпитер», парикмахерская «Руслан и Людмила», бар «Пегас» в Северобайкальске; кафе «Садко» в Борзе, продуктовый магазин «Цезарь» в Могоче и др.

Семантическую связь между эргонимом и сферой деятельности организации не всегда можно выявить. Так, в названии парикмахерской «Руслан и Людмила» нет отсылки к произведению А. С. Пушкина, но очевидно, что в ней обслуживают и мужчин, и женщин. В названии магазина продуктов «Гермес» тоже не видно мифологической подоплеки, в отличие от названия обувного магазина «Гермес» в Улан-Удэ.

Четвертая группа эргонимов состоит из наименований, которые возникли на базе метафоры или метонимии: магазин модной одежды «Престиж», магазин мелочей «Теремок», магазин одежды «Новинка», гостиница «Комфорт», торговый дом «Бастион» в Закаменске; магазин мебели «Ренессанс» в Борзе; кафе «Счастливо», кафе «Вкусно», гостиница «Вояж», продуктовый магазин «Охотник» в Гусиноозерске; продуктовые

магазины «Смак», «Молоко+», «Лакомка» в Могоче; магазины «Восторг» или «Находка» в Краснокаменске; парикмахерская «Пчёлка», магазин детских товаров «Мир детства», магазин «Апрель», хозмаркет «БУМ», сеть магазинов «Эконом», магазин парфюмерии «Аромат», рыболовный магазин «Улов», фотоцентр «Премьер», пивные магазины «Пивной Причал» и «Пантограф», детский магазин «Золотой петушок», зоомагазин «Дружок» магазин «Продуктовая корзина» в Северобайкальске и др.

Пятую группу образуют наименования, реализующие навигационную функцию [Варфоломеева 2021: 3760], т. е. обусловленные близким расположением по отношению к некоторому, хорошо знакомому населению объекту: магазин «Продукты на Ленина» в Гусиноозерске; магазин «Центр» в Балее; «Центральная аптека», торговый зал «Проспект» в Северобайкальске и др.

В отдельную группу можно выделить функциональные наименования, распространенные еще с советских времен: «Юрист», «Магазин канцелярских товаров», «Продукты», «Компьютеры», «Цветы», «Бижутерия», «Сумки», «Ремни», «Торговый Центр», «Спорттовары», «Немецкая обувь», «Газеты», «Аптека», «Шашлык», «Овощи-Фрукты», «Ковры», «Автосервис», «Бензоинструмент» в Северобайкальске; «Быстро», «Магазин в Балее»; «Автозапчасти» в Краснокаменске; «Продукты» в Закаменске и др. В настоящее время фиксируется подъем интереса к таким названиям, что можно объяснить не только их прагматичностью, но и топонимической модой на советские номинации. В последнем случае вывески с названиями имеют соответствующее визуальное (графическое и орнаментальное) оформление, отсылающее к советскому прошлому.

Среди иноязычных или транслитерированных эрбонимов доминируют наименования на латинице, например, сервисный центр «DIGIS», магазин натурального мыла «STENDERS», «GARDEROB», турфира «ЭКОЛЭНД», «Sportcity», ателье «MODISTA», магазин «ULTRA» в Северобайкальске; магазин товаров для ремонта «Строй сити» в Закаменске; кафе «Gold

town» в Балее; «Big Daddy», «Фастфуд» в Могоче; торговый центр «Prodmix» в Краснокаменске и пр. К данной группе примыкают брендовые и франшизные названия: «DNS», «МТС», «KARI» в Северобайкальске; «Мегафон», «Связной» в Закаменске; «OZON» в Краснокаменске, магазин «Fix price» в Борзе.

Среди этнических эргонимов наиболее распространенными в новых городах являются названия, отсылающие к славянской культуре: кафе «Изба» в Закаменске, продуктовый магазин «Хлеб Соль» в Борзе, магазин «Русь» в Могоче, ресторан «Русь» в Краснокаменске и др. Этнические названия коренных народов Забайкалья встречаются в новых городах реже, чем славянские, например, бурятские онимы: кафе «Талаан», магазин «Наран», магазин «Урчал», торговый комплекс «Юрты», кафе «Бууза» в Закаменске; магазин «Наран Туяа», кафе «Бууза Да» в Гусиноозерске, кафе «Туяа» в Могоче и т. д. Встречаются названия, связанные с гастрономической культурой представленных в изучаемых городах национальных кухонь: суши-бар «Сан Суши» в Борзе, «Чайхана» в Могоче, «Шашлык» в Северобайкальске и др.

Уменьшительно-ласкательные названия, как правило, относятся к детским объектам, например, детский магазин «Кроха», магазин детских товаров «Пчёлка kids» в Северобайкальске. В других случаях подобные названия могут быть связаны со стремлением выделить именуемый объект из ряда подобных: «Домик продуктов», ателье «Пуговка» в Северобайкальске; магазины «Колбаска» в Борзе; «Гастрономчик», «Хлебушек», «Солнышко» в Гусиноозерске; кафе «Малинка», «1 минутка» в Балее; магазин «Фонарик плюс» в Краснокаменске и др.

Следующую группу представляют наименования с языковой игрой, рифмой, просторечием: «Клёвая точка», «Чудо+Блюдо» в Северобайкальске; столовая «Время есть», продуктовый магазин «Ёлки-Палки» в Закаменске; магазин автозапчастей «ЖелеЗяка» в Борзе; кафе «Император БорзOFF» в Борзе; кафе «Вечный Зов», блинная «хАчу-блин» в Гусиноозерске; кафе «У Михалыча»

в Хилке; кафе «Сели-Поели» в Могоче; кафе «ЗАКУСІТУ» в Краснокаменске и др.

Фитонимические и анималистические эргонимы, как правило, связаны с природой родного края: кафе «Кедр» в Закаменске и Борзе; магазин «Сагаан Дали» в Закаменске; магазин «Чайка» в Краснокаменске; продуктовые магазины «Саранка», «Ромашка» в Гусиноозерске; кафе «Роза» в Могоче и др. Органично выглядит название продуктового минимаркета «Яблоко» в Северобайкальске, магазина цветов «Орхидея» в Балее. Неожиданным является мини-маркет «Колибри» в Закаменске.

Границы между группами эрбонимов достаточно условны. Так, наименования магазина «Домик продуктов» можно отнести и к метафорическим, и к уменьшительно-ласкательным; «Сувениры Байкала» — к географически обусловленным и функциональным, кафе «Малинка» — к уменьшительно-ласкательным и растительным. Метонимические и метафорические наименования интересны с позиции мотивированности: так, рыболовные магазины с названиями «Улов» или «Клёвая» точка выглядят вполне логично, название же пивного магазина «Пантограф» вызывает вопросы.

Среди эргоурбонимов отсутствуют названия, отсылающие к дореволюционной эпохе (как в городах Улан-Удэ, Кяхта), что обусловлено более поздним появлением городов, а также связанные с историей возникновения городов и градообразующих организаций в советский период. Вероятно, советский корпус наименований не считается владельцами коммерческих предприятий актуальным на данный момент, новые тенденции в области рекламы и маркетинга диктуют обращение к брендовым, иноязычным, метафорическим названиям. Редким исключением являются не относящиеся к эргонимам названия клубных учреждений, которые в прошлом находились в ведении промышленных предприятий и сохранили ведомственно-отраслевую символику в названиях до настоящего времени: Дома культуры «Шахтер» в Гусиноозерске, «Горняк» в Балее, «Железнодорожник» в Северобайкальске, «Строитель» в Краснокаменске, кинотеатр «Горняк» в Закаменске.

Для сравнения самой объемной группой эргоурбонимов города Улан-Удэ выступают иноязычные, метафорические и отсылающие к греко-славянским и литературно-мифологическим именам [Варфоломеева 2021: 3762]. В эргонимии молодых городов доминируют метафорические названия (17,1 %), затем следуют функциональные (13,9 %), далее иноязычные и содержащие имена (по 12 %), географические (10,1 %), уменьшительно-ласкательные и с языковой игрой (по 6,9 %), этнические (4,6 %), растительные (4,5 %), брендовые (4,3 %), реконструирующие советский стиль (3,8 %), навигационные (2,5 %), анималистические (1,4 %).

Таким образом, лексико-семантический состав современных эрбонимов показывает, что в отличие от урбанонимов на данном уровне топонимического пространства новых городов советский (социалистический) корпус названий был вытеснен постсоветским рыночным.

6. Заключение

Топонимическое пространство новых городов Забайкалья формировалось в течение XX столетия в сложных исторических, географических и лингвистических условиях. Оно отличается языковым разнообразием, вобрав в себя элементы тунгусо-маньчжурского, тюркского, монгольского и славянского субстратов. Анализ ойконимического уровня топонимического пространства в проекции трех типов новых городов региона позволил выявить зависимость от времени появления поселений. Самые ранние ойконимы транспортных городов происходят от топонимов (в основном гидронимов и оронимов) коренных народов региона. Промежуточное положение занимают ойконимы промышленных городов, сложившиеся в первой половине XX в. на основе природно-географических и хозяйственных (освоенческих) семантических связей в тесном взаимодействии с топонимами досоветского периода. Молодые города получают свои названия последними, что обусловило преобладание прагматической мотивации в номинациях, ориентированной, прежде всего, на природно-географическую семантику.

Примечательно, что первая и третья группы ойконимов продемонстрировали высокую стабильность на протяжении всего рассматриваемого периода. Имена второй группы оказались в большей степени обусловлены идеологическими значениями и подверглись частичному переименованию и реинтерпретации в период десталинизации.

Урбанонимы представляют наиболее стабильный уровень топонимического пространства изучаемых городов. Основной каркас годонимов и агоронимов составляют имена, созданные в советское время. В урбанонимии новых городов Забайкалья можно выявить несколько номинативных тем, на основании которых выделяются 12 лексико-семантических групп с разным долевым соотношением в зависимости от типов новых населенных пунктов. Среди годонимов транспортных городов преобладают географические обусловленные имена и близкие к ним группы, связанные с характеристикой местности, навигацией и пр. В промышленных и молодых городах широко представлены советские идеологические наименования, профессиональные и метафорические, обнаруживающие связь с хозяйственным освоением региона, градообразующими предприятиями. Характерной чертой молодых городов является высокая концентрация нумерологических названий, что связано с более поздним возникновением традиционного уличного структурирования городского пространства, функции которого выполняли кварталы, микрорайоны, инвентарные рабочие поселки строителей и т. д. Во всех трех типах городов присутствуют антропонимические и меморативные годонимы, при этом состав коммеморативных символов и фигур может различаться.

Демократические процессы второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. не привели к пересмотру сложившегося в советское время корпуса урбанонимов. В рассматриваемый период нами не отмечено случаев переименований улиц и других линейных топообъектов новых городов региона. Исключением стали номерные названия и имена, связанные с упраздненными в годы перехода к рыночной экономике градообразующими предприятиями, которые в молодых городах стали заменяться на антропонимические, природно-географические урбанонимы.

Периферию топонимического пространства изучаемых городов составили эргонимы, состав которых в советское время отличался высоким уровнем стабильности, формального и содержательного однообразия в силу отсутствия конкуренции между государственными объединениями и структурами. С переходом к рынку происходит интенсивная коммерциализация эргонимии, которая постепенно теряет топографические связи и сближается с рекламными текстами. Состав современных эргонимов позволил выделить ряд групп, которые в отличие от урбанонимов не сохранили выраженного советского ядра значений, переориентировавшись на потребительских рынок. Вместе с тем анализ лексико-семантических групп эргонимов выявил совпадения в номинативных темах и значениях, что позволяет сделать вывод о целостности топонимического пространства новых городов Забайкалья, границы которого сохранились в условиях перехода от советского централизованного онимотворчества к современным дифференцированным номинациям.

Источники

Аксиненко 2020 — Аксиненко А. Борзя. Городу 50 лет! [электронный ресурс] // Земля КРЕСТЬЯНСКАЯ. 2020. № 26. URL: <https://zemlya-chita.ru/borzya-gorodu-50-let> (дата обращения: 17.09.2024).

Sources

Aksinenko A. Borzya to celebrate 50th anniversary! *Zemlya ('peasant' newspaper)*. 2020, June 30. No. 26. On: Zemlya (newspaper's website). Available at: <https://zemlya-chita.ru/borzya-gorodu-50-let> (accessed: 17 September 2024). (In Russ.)

- Петров, Москалева 2024 — *Петров В. Ф., Москалева Г. В.* Историческая справка о г. Хилок [электронный ресурс] // Хилокский краеведческий музей. URL: <https://khilokmuseum.ru/index.php/kraevedenie/istoriya-goroda/48-istoricheskaya-spravka-o-g-khilok> (дата обращения: 18.09.2024).
- Постановление 1938 — Постановление Всесоюзного центрального исполнительного комитета от 15 февраля 1938 г. «О преобразовании рабочего поселка Бaley Бaleyского района Читинской области в город» [электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393392> (дата обращения: 20.09.2024).
- Указ 1953 — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1953 г. № 731/3 «О преобразовании рабочего поселка Шахты Селенгинского района Бурят-Монгольской АССР в город районного подчинения» // Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 1451а. Л. 71.
- Указ 1980 — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1980 г. «О преобразовании рабочего поселка Северобайкальска Северо-Байкальского района Бурятской АССР в город республиканского подчинения» // Правда Бурятии. 1980. 8 ноября. С. 3.
- MapData — Карта России с городами, информация о городах и улицах России [электронный ресурс]. URL: <https://mapdata.ru> (дата обращения: 20.09.2024).
- Petrov V. F., Moskaeva G. V. Khilok: A historical message. On: Khilok Museum of Local History and Lore (website). Available at: <https://khilokmuseum.ru/index.php/kraevedenie/istoriya-goroda/48-istoricheskaya-spravka-o-g-khilok> (accessed: 18 September 2024). (In Russ.)
- Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 15 February 1938 [on] Converting the Workers' Settlement of Baley (Baleysky District, Chita Oblast) to a City. On: Online Library of Historical Documents. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/393392> (accessed: 20 September 2024). (In Russ.)
- Order of the Presidium of the RSFSR Supreme Soviet of 15 June 1953 no. 731/3 [on] Converting the Workers' Settlement of Shakhty (Selenginsky District, Buryat-Mongol ASSR) to a District-Level City. On: State Archive of the Republic of Buryatia (website). Coll. P-475. Cat. 1. File 1451a. P. 71. (In Russ.)
- Order of the Presidium of the RSFSR Supreme Soviet of 5 November 1980 [on] Converting the Workers' Settlement of Severobaikalsk (Severobaikalsky District, Buryat ASSR) to a Republic-Level City. *Pravda Buryatii*. 1980, November 8. P. 3. (In Russ.)
- Map of Russia (with indication of cities and streets). Available at: <https://mapdata.ru> (accessed: 20 September 2024). (In Russ.)

Литература

- 70 лет 2021 — 70 лет со дня присвоения Шилке статуса города (1951) // Календарь знаменательных и памятных дат Забайкальского края на 2021 год: справочно-библиографическое издание / сост. Н. П. Тарасова. Чита: Чит. гор. типография, 2021. С. 178.
- Бадмаева 1987 — *Бадмаева Л. Б.* Топонимические названия в летописи Вандана Юмсунова // Исследования по ономастике Бурятии / отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 55–74.
- Байкалов, Поплевина 2019 — *Байкалов Н. С., Поплевина А. И.* Годонимы в социокультурном пространстве городских поселений Байкало-Амурской железнодорожной магистрали // Манускрипт. 2019. № 1. С. 19–23. DOI: 10.30853/manuscript.2019.1.3
- Балдандоржиев 2011 — *Балдандоржиев Ж. Б.* «Город золотого песка»: социально-экономическое, социокультурное развитие города Могоча // Молодой ученый. 2011. № 1 (24). С. 79–81.

References

- Shilka to celebrate 70th anniversary as city (1951). In: Tarasova N. P. (comp.) *Zabaykalsky Krai — 2021: Calendar of Remarkable and Memorable Dates*. Book of reference. Chita: Chita City Press, 2021. P. 178. (In Russ.)
- Badmaeva L. B. Toponyms in Vandan Yumsunov's Chronicles. In: Buraev I. D. (ed.) *Buryatia: Studies in Onomastics*. Ulan-Ude: Buryat Branch (SB) of USSR Academy of Sciences, 1987. Pp. 55–74. (In Russ.)
- Baikalov N. S., Poplevina A. I. Hodonyms in sociocultural space of the BAM (Baikal-Amur Mainline) urban settlements. *Manuscript*. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 19–23. (In Russ.) DOI:10.30853/manuscript.2019.1.3
- Baldandorzhiev Zh. B. 'City of golden sand': Socioeconomic and sociocultural development of Mogocho. *Molodoy uchenyi*. 2011. No. 1 (24). Pp. 79–81. (In Russ.)

- Балданова, Дарбанова 2017 — *Балданова А. Б., Дарбанова Н. А.* Неофициальная региональная топонимика города Закаменска как часть региолекта // Русский язык и литература в образовательном пространстве Азиатского региона: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня образования кафедры русского языка и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы Бурят. гос. ун-та / ред. О. А. Колмакова. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2017. С. 13–17.
- Батуева 2004 — *Батуева М. С.* Наш городок. Закаменск: Изд-во газеты «Знамя труда», 2004. 258 с.
- Башкуев 1965 — *Башкуев Б. В.* О географических названиях Предбайкалья и Забайкалья // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 97. Вып. 4. Новосибирск: СО АН СССР, 1965. С. 346–352.
- Березовский 2018 — *Березовский А. Я.* Географические названия озера Байкал и Околобайкалья. Топонимический словарь. Красноярск: [б. и.], 2018. 638 с.
- Болдырев 2000 — *Болдырев Б. В.* Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лұчады турэрук: в 2 ч. Ч. 1: А-П. Новосибирск: СО РАН; Фил. «ГЕО», 2000. 502 с.
- Вайрах 2011 — *Вайрах Ю. В.* Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 24 с.
- Варфоломеева 2021 — *Варфоломеева Ю. Н.* Имиджевая и навигационная функции текстов городской среды (на материале эргоурбонимов г. Улан-Удэ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 3758–3763. DOI: 10.30853/phil20210613
- Вепрева, Харитоновна 2023 — *Вепрева И. Т., Харитоновна А. В.* Ономастическое пространство Екатеринбурга: уровневая организация маркеров региональной идентичности // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 184–199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037
- Географические названия 2006 — Географические названия Республики Бурятия: топонимический словарь / сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2006. 241 с.
- Гладышева, Якоба 2015 — *Гладышева Ю. Б., Якоба И. А.* Особенности лексико-семантической классификации урбанонимов (на примере гидонимов города Чита) // Молодежный вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 2. С. 1–4.
- Baldanova A. B., Darbanova N. A. Non-official exploration of toponyms in town Zakamensk as part of regional dialect. In: Kolmakova O. A. (ed.) Russian Language and Literature in the Educational Space of the Asian Region. Jubilee conference proceedings (Ulan-Ude, 13–14 October 2017). Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2017. Pp. 13–17. (In Russ.)
- Batueva M. S. Our Town. Zakamensk: Znamya Truda, 2004. 258 p. (In Russ.)
- Bashkuev B. V. On geographic names in Cis- and Transbaikalia. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. 1965. Vol. 97. No. 4. Pp. 346–352. (In Russ.)
- Berezovsky A. Ya. Geographic Names of Lake Baikal and Around: A Toponymic Dictionary. Krasnoyarsk, 2018. 638 p. (In Russ.)
- Boldyrev B. V. Evenki-Russian Dictionary. In 2 pts. Pt. 1: A–P. Novosibirsk: SB RAS, GEO, 2000. 502 p. (In Evenki and Russ.)
- Vayrakh Yu. V. Investigating Urban Ergonyms of Irkutsk: The Structural, Semantic, and Linguocultural Aspects. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2011. 24 p. (In Russ.)
- Varfolomeeva Yu. N. Image-building and navigational functions of urban environment texts (By the material of Ulan-Ude ergourbonyms). *Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14. No. 12. Pp. 3758–3763. (In Russ.) DOI: 10.30853/phil20210613
- Vepreva I. T., Kharitonova A. V. Onomastic space of Yekaterinburg: Level-based markers of regional identity. *Problems of Onomastics*. 2023. Vol. 20. No. 3. Pp. 184–199. (In Russ.) DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037
- Dambuev I. A., Manzhueva Yu. F., Rinchinova A. V. (comps.) Geographic Names of Buryatia: A Toponymic Dictionary. Ulan-Ude: East Siberia State Academy of Culture and Arts, 2006. 241 p. (In Russ.)
- Gladysheva Yu. B., Yakoba I. A. Features of lexico-semantic classification of urbonyms (In the case of Chita town hodonyms). *Young Researchers' Journal of ISTU*. 2015. No. 2. Pp. 1–4. (In Russ.)

- Голомидова 2023 — Голомидова М. В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 29–53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Город 2019 — Город с горячим сердцем. Живая история / отв. ред. Н. А. Нагорская. Краснокаменск: Город Краснокаменск, 2019. 304 с.
- Гурулев 1989 — Гурулев С. А. Реки Байкала. Происхождение названий. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1989. 112 с.
- Жамсаранова 2002 — Жамсаранова Р. Г. Топонимия Восточного Забайкалья: дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2002. 156 с.
- Как наш город 1974 — Как наш город строился // Знамя труда. 1974. 5 октября. С. 2.
- Качалкова 2013 — Качалкова Ю. А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14). С. 88–104.
- Кичикова и др. 2018 — Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б., Джамбинова Н. С., Супрун В. И. Топонимическое пространство Калмыкии на современном этапе: результаты лингвистических исследований 2015–2017 гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 39 (3). С. 81–91.
- Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niguča tobčij an*. Юань чао би ши: Монг. обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- Куликов, Балабанов 1957 — Куликов Б. С., Балабанов В. Ф. О происхождении названий и времени основания городов и посёлков Читинской области // Забайкальский краеведческий ежегодник. 1957. № 1. С. 67–76.
- Курбанова 2014 — Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014. 191 с.
- Мельхеев 1969 — Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 188 с.
- Митин 2021 — Митин И. И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 4. С. 73–83. DOI: 10.37490/S221979310016932-8
- Golomidova M. V. Yekaterinburg – Sverdlovsk – Yekaterinburg: The city image in the dynamics of a toponymic text. *Slovo.ru: Baltic Accent*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 29–53. (In Russ.) DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2
- Nagorskaya N. A. (ed.) The Flaming-Hearted City. Krasnokamensk: Krasnokamensk City Executive Office, 2019. 304 p. (In Russ.)
- Gurulev S. A. Rivers of the Baikal: Etymologies of Toponyms. Irkutsk: Eastern Siberia Book Publ., 1989. 112 p. (In Russ.)
- Zhamsaranova R. G. Toponymy of Eastern Transbaikalia. Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2002. 156 p. (In Russ.)
- How our city was built. *Znamya truda*. 1974, October 5. P. 2. (In Russ.)
- Kachalkova Yu. A. Urbanonymic space of contemporary Yekaterinburg (Official names). *Problems of Onomastics*. 2013. No. 1 (14). Pp. 88–104. (In Russ.)
- Kichikova N. A., Mandzhieva E. B., Dzhambinova N. S., Suprun V. I. Toponymic space of Kalmykia at the present stage: Results of linguistic research 2015–2017. *Bulletin of Kalmyk University*. 2018. No. 39 (3). Pp. 81–91. (In Russ.)
- Kozin S. A. The Secret History [of the Mongols]: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled 'Mongolun niguča tobčij an'. Vol. 1: A Research Introduction, Translation, Texts, Glossaries. A. Barannikov (ed.), N. Poppe (foreword). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ. and Mong.)
- Kulikov B. S., Balabanov V. F. Cities and villages of Chita Oblast: More on origins of toponyms and times of foundation. *Zabaykal'skiy kraevedcheskiy ezhegodnik*. 1957. Vol. 1. Pp. 67–76. (In Russ.)
- Kurbanova M. G. Modern Russian Ergonyms: Semantics and Pragmatics. Cand. Sc. (philology) thesis. Astrakhan, 2014. 191 p. (In Russ.)
- Melkheev M. N. Toponymy of Buryatia: History, Structure and Origins of Geographic Names. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1969. 188 p. (In Russ.)
- Mitin I. I. The toponymical palimpsest: Renaming as a symbolic (re)construction of space and place. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2021. Vol. 17. No. 4. Pp. 73–83. (In Russ.) DOI: 10.37490/S221979310016932-8

- Мкртычян, Заонегина 2022 — *Мкртычян С. В., Заонегина В. В.* Моделирование топонимического пространства малого русского города: синхронический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2022. № 4 (75). С. 138–146. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.4.138
- Мкртычян, Заонегина 2023 — *Мкртычян С. В., Заонегина В. В.* Верификация модели топонимического пространства на диахроническом материале // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2023. № 2 (77). С. 59–68. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.059
- Никитина 2018 — *Никитина Т. Г.* Топонимическое пространство города: «культурные слои» в лексикографическом отображении // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 180–193. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020
- Официрова 2017 — *Официрова Н. В.* Природные ресурсы регионов в советском индустриальном проекте в 1920-х – начале 1930-х годов (на материалах Европейского Севера СССР) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 26–34. DOI: 10.18721/JHSS.8103
- Перцик 1999 — *Перцик Е. Н.* Города мира: география мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999. 384 с.
- Подберезкина 1998 — *Подберезкина Л. З.* Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методич. бюл. Вып. 6. Красноярск; Ачинск: Красноярск. гос. ун-т, 1998. С. 91–98.
- Подольская 1988 — *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 187 с.
- Поспелов 2008 — *Поспелов Е. М.* Географические названия России: топонимический словарь: более 4 000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2008. 523 с.
- Пушкарева, Доржиева 2016 — *Пушкарева Ю. Г., Доржиева Г. С.* Улицы Улан-Удэ: история и современность. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2016. 168 с.
- Разумов 2015 — *Разумов Р. В.* Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.
- Разумов 2016 — *Разумов Р. В.* Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 4. С. 121–125.
- Mkrtychyan S. V., Zaonegina V. V. Toponymic space of a russian town: modelling in synchrony. *Vestnik TvGU. Series: Philology*. 2022. No. 4 (75). Pp. 138–146. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtfilol/2022.4.138
- Mkrtychyan S. V., Zaonegina V. V. Diachronic verification of the toponymic model. *Vestnik TvGU Series: Philology*. 2023. No. 2 (77). Pp. 59–68. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.059
- Nikitina T. G. The urban toponymic space: “Cultural layers” from the lexicographic perspective. *Problems of Onomastics*. 2018. Vol. 15. No. 2. Pp. 180–193. (In Russ.) DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020
- Ofitserova N. V. Natural resources regions in the Soviet industrialism project in the 1920s and the early 1930s (On materials of the European North USSR). *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2017. Vol. 8. No. 1. Pp. 26–34. (In Russ.) DOI: 10.18721/JHSS.8103
- Pertsik E. N. Cities of the World: Geography of Global Urbanization. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1999. 384 p. (In Russ.)
- Podberezkina L. Z. Linguistic urban studies: On toponymic research prospects of Krasnoyarsk. In: *Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication*. Vol. 6. Krasnoyarsk, Achinsk: Krasnoyarsk State University, 1998. Pp. 91–98. (In Russ.)
- Podolskaya N. V. A Dictionary of Russian Onomastic Terms. Moscow: Nauka, 1988. 187 p. (In Russ.)
- Pospelov E. M. Geographic Names of Russia: A Toponymic Dictionary. Moscow: AST, Astrel, 2008. 523 p. (In Russ.)
- Pushkareva Yu. G., Dorzhieva G. S. Streets of Ulan-Ude: Past and Present. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2016. 168 p. (In Russ.)
- Razumov R. V. On regulating onomastic terminology in the field of urbanonymy. *Verkhnevolzhskiy filologicheskij vestnik*. 2015. No. 2. Pp. 14–19. (In Russ.)
- Razumov R. V. Urbanonymic systems of the Russian Federation: Typology of models. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 2016. No. 4. Pp. 121–125. (In Russ.)

- Разумов, Горяев 2018 — *Разумов Р. В., Горяев С. О.* Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами // Научный диалог. 2018. № 9. С. 76–97. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-76-97
- Рублева 2016 — *Рублева О. Л.* Топонимическая система Приморья: аспекты и перспективы исследования // Известия Восточного института. 2016. № 4 (32). С. 35–44.
- Супрун 2000 — *Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
- Трубе, Хорев 1970 — *Трубе Л. Л., Хорев Б. С.* Новые города на карте Родины. М.: Знание, 1970. 48 с.
- Федотова 2017 — *Федотова Т. В.* Топонимический словарь Забайкальского края. Чита: ЗабГУ, 2017. 272 с.
- Chernyshova 2013 — *Chernyshova N.* Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. London: Routledge, 2013. 260 p.
- Razumov R. V., Goryaev S. O. Names of residential complexes: Between urbanonyms and advertising names. *Nauchnyi dialog*. 2018. No. 9. Pp. 76–97. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-76-97
- Rubleva O. L. Toponymic system of Primorye: Aspects and research perspectives. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2016. No. 4 (32). Pp. 35–44. (In Russ.)
- Suprun V. I. The Russian Onomastic Field and Its Artistic/Aesthetic Potential. Volgograd: Peremena, 2000. 172 p. (In Russ.)
- Trube L. L., Khorev B. S. New Cities on the Map of Motherland. Moscow: Znanie, 1970. 48 p. (In Russ.)
- Fedotova T. V. Transbaikalia: A Toponymic Dictionary. Chita: Transbaikalian State University, 2017. 272 p. (In Russ.)
- Chernyshova N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. London: Routledge, 2013. 260 p. (In Eng.)

